

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственные редакторы
А. М. Грачева и А. д'Амелия

Санкт-Петербург – Салерно 2003

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI SALERNO
DIPARTIMENTO DI STUDI LINGUISTICI E LETTERARI

ALEKSEJ REMIZOV
STUDI E MATERIALI INEDITI

a cura di
A. M. Gračeva e A. d'Amelia

Pietroburgo – Salerno 2003

COLLANA DI EUROPA ORIENTALIS

A CURA DI
MARIO CAPALDO E ANTONELLA D'AMELIA

Questo volume è stato pubblicato
con un contributo dell'Università di Salerno

Copyright © 2003 by Europa Orientalis - Puskinskij Dom
Dipartimento di Studi Linguistici e Letterari – Università di Salerno
Finito di stampare presso Poligrafica Ruggiero, Avellino (marzo 2003)

“И К ЗЛОДЕЯМ ПРИЧТЕН”.
ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА В ПОЭМЕ А. РЕМИЗОВА “ИУДА”

Сергей Доценко

...И как нет конца у времени, так не
будет конца рассказам о предательстве
Иуды и страшной смерти его (Л. Андреев).

Стремление исследователей искать и находить соответствия между биографией писателя и его художественными текстами, далеко не всегда оправданное, в случае с А. Ремизовым выглядит само собой разумеющимся. Обоснование ему можно найти как в эксплицитных признаниях самого автора об автобиографичности его замыслов, тем, образов, сюжетов, так и в результатах соответствующих исследований (достаточно убедительно выявлена автобиографическая основа повестей “Часы”, “Крестовые сестры”, романов “Пруд” и “Канава”, рассказов “Петушок”, “Коробка с красной печатью”, “Галстук” и др.).¹

Использование (и переосмысление) фактов, событий своей биографии в процессе создания своих произведений было у Ремизова глубоко

¹ См.: Безродный М.В. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова // Сборник трудов СНО филол. фак-та: Русская филология V. Тарту 1977, с. 98-109; Данилевский А.А. A realioribus ad realia // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та 1987. Вып. 781, с. 99-123; Данилевский А. А. Функция “автобиографизма” в III-ей редакции романа А. М. Ремизова “Пруд” // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та 1988. Вып. 822, с. 121-157; Топоров В. Н. О “Крестовых сестрах” А. М. Ремизова: Поэзия и правда. Ст. 1 // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та 1989. Вып. 857, с. 138-158; Топоров В. Н. О “Крестовых сестрах” А. М. Ремизова: Поэзия и правда. Ст. 2 // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та 1988. Вып. 822, с. 121-138; Доценко С. Н. Почему Маракулин хотел стать разбойником (Из комментария к повести А. Ремизова “Крестовые сестры”) // Блоковский сборник XIV. Тарту 1998 (в печати).

осознанным, причем в уже ранний период творчества: “Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография: и мертвец Бородин (Собр. соч. Т. I. Жертва) – я самый и есть, себя описываю, и кот Котофей Котофеич (Собр. соч. Т. IV. К Морю-Океану) – я самый и есть, себя описываю, и Петька (“Петушок” в Альманахе XVI Шиповника) тоже я, себя описываю”.²

Экспансия “автобиографизма” в художественные произведения Ремизова был настолько мощной, что затрагивала и те тексты (“сюжеты”), в коих “автобиографизм” заведомо, как кажется, был невозможен. Т. е. в переложениях и обработках христианских легенд и сказаний-апокрифов. Как ни удивительно, Ремизов, создавая свои версии апокрифических (в том числе – библейских) сюжетов, и их умудряется наполнить автобиографическими коллизиями и мотивами.³

Возникает вопрос как о механизме такой трансформации апокрифов, так и о причинах ее (с какой целью Ремизов “автобиографизирует” легендарные апокрифические сюжеты?). В настоящей статье мы попытаемся хотя бы вкратце рассмотреть оба эти аспекта.

Прежде всего необходимо сделать одну методологическую оговорку. Об автобиографическом подтексте того или иного произведения можно говорить в двух, по крайней мере, случаях:

1. если есть прямое указание автора на существование такого подтекста (см. выше слова Ремизова о героях рассказов “Жертва” и “Петушок”);

2. если в самом тексте содержатся прямые или косвенные указания на автобиографические факты, мотивы, коллизии (достаточно достоверно верифицируемые сопоставлением с иными биографическими источниками-письмами, дневниками, мемуарами и пр.).

А как быть в том случае, если нет ни первого, ни второго? Логично предположить, что тогда вопрос об автобиографизме сам собой снимается. Однако в случае с А. Ремизовым проблема оказывается не столь просто и однозначно разрешаемой (кроме того, нельзя быть уверенными, что необходимые подтверждения не будут вдруг обнаружены в неизвестных доселе архивных источниках). Мы же пока позволим себе опереться на одно ремизовское признание, имеющее характер некоторого художест-

² Ремизов А. [Автобиография. 1912] // Лица. Биографический альманах 3. М.-СПб. Феникс: Atheneum. 1993, с. 442.

³ См.: Доценко С. Н. “Автобиографическое” и “апокрифическое” в творчестве А. Ремизова // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. СПб. 1994, с. 33-40.

венного конструктивного принципа: "В моих 'реконструкциях' старинных легенд и сказаний не только книжное, а и мое – из жизни – виденное, слышанное и испытанное. И когда я сидел над старинными памятниками и, конечно, неспроста выбирал из прочитанного, а по каким-то бессознательным воспоминаниям – 'узлам и закрутам' моей извечной памяти".⁴

Иными словами, Ремизов дает понять, что его "реконструкции" апокрифов содержат (или могут содержать) определенный автобиографический подтекст (ср.: "не только книжное, а и мое - из жизни"). Если даже в самом тексте "реконструкции" нет более-менее явных сигналов о наличии такого автобиографического подтекста, то сам факт выбора того или иного сюжета – уже свидетельство "автобиографичности": именно этот сюжет, описанный в некотором апокрифическом ("книжном") источнике, имеет определенное отношение к фактам, событиям биографии писателя, запечатленным в его памяти (пусть и "бессознательной"). Речь идет о том, что Ремизов определяет так: "неспроста выбирал из прочитанного".

Попробуем под таким углом зрения рассмотреть поэму Ремизова "Иуда" (1903; другое название: "Иуда предатель").⁵ Она не содержит каких-либо явных ("текстуальных") отсылок к биографии писателя, ибо представляет собой изложение евангельского (пусть и осложненного апокрифическими трактовками) события – "предательства Иудина". Нет и нередко встречающейся у Ремизова "модернизации" сюжета (т. е. интерполяции в легендарный, апокрифический сюжет современных реалий).

Но, как нам представляется, поэма "Иуда" и есть тот случай, когда об автобиографичности произведения свидетельствуют не текстуальные отсылки, а сам факт выбора этого сюжета. Иными словами, сюжет предательства был выбран (сознательно или бессознательно) потому, что

⁴ Ремизов А. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти. Paris, YMCA-Press, 1951, с. 132.

⁵ См. появившиеся недавно статьи, посвященные ремизовским сюжетам об Иуде: "Трагедии о Иуде принце Искаротском" 1908 и поэме "Иуда предатель". Maponuelian Ed. Remizov's Judas: Apocryphal Legend into Symbolist Drama // Slavic and East European Journal 1993. Vol. 37. No. 1, pp. 46-66; Климова М. Н. "Трагедия о Иуде, принце Искаротском" А. М. Ремизова и ее древнерусский источник // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск 1995, с. 89-100; Розанов Ю. Иуда Искарот в трактовке Алексея Ремизова // Библейские мотивы и образы в русской литературе. Вологда, Русь, 1995, с. 43-51. В этих исследованиях акцент сделан на изучении апокрифических источников сюжета ремизовской трагедии о Иуде, а интересующий нас аспект (автобиографичность образа Иуды у А. Ремизова) не рассматривается.

эта тема (предательство) была для Ремизова актуальна в связи с эпизодами его жизни, его биографии, а не представляла только (и прежде всего) абстрактный, “книжный” интерес.

В биографии Ремизова к моменту написания “Иуды” (1903) были два эпизода, имевшие отношение к теме предательства. 18. XI. 1896 г. Ремизов принял участие в студенческой демонстрации, был арестован и препровожден сначала в Тверскую часть, а потом – в Таганскую тюрьму. Хотя сам Ремизов много позднее и утверждал, что его участие в демонстрации было случайным, тем не менее он проходил по делу как один из главных “подстрекателей и руководителей” беспорядков – как “агитатор”.⁶ В “агитаторы” Ремизова зачислили в полиции (хотя прежде ни в каких революционных студенческих кружках он не участвовал). Но когда в Тверскую часть привели других арестованных студентов, среди последних мгновенно пронесся слух о том, что Ремизов – провокатор: “В части вечером, когда пригнали других арестованных на демонстрации и я вышел к ним к столу пить чай, меня приняли за провокатора”.⁷ В этом эпизоде Ремизов, хотя и несправедливо, прямо обвиняется в предательстве.⁸

Другой эпизод связан скорей с мотивом “отступничества” Ремизова (его можно рассматривать и как вариант мотива предательства). В ноябре 1902 г., когда писатель уже находился в Вологде (в политической ссылке), он окончательно отходит от революционной деятельности.

В среде политических ссыльных возник слух, что Ремизов повлиял и на аналогичное решение С. П. Довгелло (его будущей жены), которой прочили героическое революционное будущее (в роли террористки – члена боевой организации партии эсэров). Об этом вспоминал сам Ремизов:⁹ “На С. П. смотрели, как на Софью Перовскую: она и вправду, не дрогнула б с бомбой в руке. И вот она объявила, что она прекращает революционную деятельность. И это решение ее приписано было моему разлагающему влиянию. [...] И началось на меня гонение. Коноводом стал

⁶ См.: Грачева А. М. Революционер Алексей Ремизов. Миф и реальность // Лица. Биографический альманах 3, с. 423-425.

⁷ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж 1959, с. 79. См. также: Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти. Berkeley 1986, с. 30-31.

⁸ Потом, уже в Пензе, приятели-студенты принесли свои извинения Ремизову за несправедливое подозрение в провокаторстве: “И вот Биркенгейм и Горяинов приехали в Пензу, чтобы в глаза сказать мне: “как мы ошиблись” (Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти, с.104).

⁹ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло. Подг. текста и коммент. А. д`Амелия // Europa Orientalis 1985. Т. IV, с. 156.

Б. В. Савинков. И. П. Каляеву просто запрещено было со мной видеться. Я остался кругом один".

Опять – мотив обвинения в "предательстве" (идеи? революции?). То, что эта тема не была второстепенной, малозначащей для Ремизова, свидетельствует и такой момент. В хорошо известных главах мемуарной книги "Иверень", где Ремизов вспоминает о своей жизни в среде политических ссыльных в Вологде (1901-1903 гг.), преобладает теплое, дружеское (иногда – ироническое и комическое) описание и этого периода жизни, и своих друзей и знакомых – политических ссыльных (прежде всего – И. Каляева, Н. Бердяева, П. Щеголева). Почти нет горьких, тяжелых чувств и впечатлений; зато они есть в комментариях Ремизова к своим письмам периода ссылки:

Даже по этим письмам-заключительным вижу, как плохо мне было в Вологде. Такое чувство: не туда попал. Очень я не подходил ни к кому, с кем привела судьба жить. Все жили под знаком "революция", а у меня было еще что-то, что было выше "революции". У них было "общее", а я хотел по-"своему".¹⁰

Но в романе "Пруд" (1902-1904) описание жизни и нравов колонии политических ссыльных дано совсем в другом ключе – пародийном, карикатурном, лишенном всякой идиллии. Особенно подчеркивались характерные для среды политических ссыльных ссоры, разногласия, издевательства, взаимная подозрительность, подавление свободы человека во имя партийной дисциплины. Как пишет Ремизов:

...торжествовали самые полицейские меры: всякие налоги и надзор. И опять подымалась ссора и озлобление. Нередко прибегали к товарищескому суду. Судили за все, за что только ни вздумается, за всякие пустяки, но первым обвинением всегда являлось подозрение в предательстве.¹¹

Особенно примечателен мотив обвинения в предательстве. Но с мотивом предательства ("отступничества") связан и другой важный мотив – мотив "отверженности", который станет доминирующим в объяснении Ремизовым своей судьбы изгоя, всеми презираемого и гонимого.

Я всегда чувствовал себя ни на кого не похожим и принимал это не за знак милости, а как отверженность. С первого шагу я почувствовал на себе "каиннову печать".¹²

¹⁰ Там же, с. 153.

¹¹ Ремизов А. Избранное. Л., Лениздат, 1991, с. 194 (курсив мой. - С. Д.).

¹² Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 37.

Я как бы втерся непрошенный и в мире нежелательный. Вся моя жизнь прошла не по-людски. Под знаком “гони и не пушай”.¹³

Как человек я всегда чувствовал свою обойденность.¹⁴

А себя я и впрямь чувствовал уродиной с каиновой печатью. Недаром через всю мою жизнь окрик: “Пошел вон!”¹⁵

Я никому не нравился. Меня обходили или как попало избегали. Я всегда зяб. Ублюдок. [...] Всегда я чувствовал боль жизни и отверженность. И я спросил себя, кому и чем я сделал дурное, почему боль и отверженность – основа моей жизни?¹⁶

Всю жизнь я прожил неприкаянный.¹⁷

Я, как помню себя, вспоминаю [...] живое, трепетное, вдруг охватывающее чувство моей “отверженности” и что я один.¹⁸

И неприкаянным проживу я жизнь среди людей.¹⁹

Эти горестные размышления станут постоянными в последние годы жизни Ремизова. Глубоко символично и признание Ремизова, сделанное в беседе с Н. Кодрянской. На вопрос об ответственности человека за свои поступки Ремизов ответил:

Не знаю, как для других, но меня чувство виновности никогда не отпускало. [...] Никогда не представлял свою жизнь благочестивой, да и не хотел такой жизни. И никогда первым, а где-то в толпе среди отверженных, среди этих грешников, которым и руку подать не всякий решится.²⁰

Здесь не названо имя Иуды, но именно образ отверженного и проклятого Иуды стоит за этими словами Ремизова. Трагедия отверженности – это смысловой центр поэмы Ремизова об Иуде и его предательстве. Истинный смысл деяния Иуды неверно понимается окружающими: добро воспринимается как зло, любовь – как ненависть, истина – как ложь, верность – как предательство. Но у Ремизова именно Иуда выступает как самый верный ученик Христа, “из верных верный” (вопреки традиционному толкованию этого образа):

¹³ Там же, с. 90.

¹⁴ Там же, с. 91.

¹⁵ Там же, с. 96.

¹⁶ Там же, с. 124-125.

¹⁷ Там же, с. 254.

¹⁸ Ремизов А. Подстриженными глазами, с. 195.

¹⁹ Там же, с. 280.

²⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 82.

к Христу подходит
 Иуда верный.
 И, припадая к устам любимым,
 любви устами
 путь открывает
 к победе горней.²¹

Иуде предназначен страшный подвиг верности и любви к Христу, но, парадоксальным образом, через отречение от него, через предательство. Трагедия Иуды – это трагедия предательства, совершенного во имя и ради Христа, но предательства, обреченного на вечное осуждение и проклятие. Такая трактовка предательства Иуды (и самого его образа) восходит к апокрифическим концепциям офитов, каинитов, манихеев.²² Согласно этой концепции, своим предательством Иуда содействовал величайшему событию христианской истории – крестной смерти Христа, а в конечном счете – и прославлению его подвига. Без "предательства Иудина" не было бы и "подвига крестного" (ср. в поэме Ремизова слова: "Иуда верный... / путь открывает / к победе горней..."). В толковании предательства Иуды Ремизов, конечно же, опирается и на апокрифическую традицию. Но находит ему обоснование, пусть и косвенное, и в канонической версии. В частности, он цитирует слова Христа, которые могут быть поняты как оправдание поступка Иуды: "И иже аще мене ради погубит свою душу обрящет ю".²³ Это – не совсем точная цитата из Луки (возможно, Ремизов цитирует по памяти): "А иже погубит душу свою мене ради, сей спасет ю" (Лука IX, 24). Иными словами, поступок Иуды косвенно санкционирован самим Христом. Другая идея, важная для Ремизова, заключается в том, что поступок Иуды – подвиг, равный подвигу Христа (а может быть, и более великий, чем подвиг Христа). Следовательно, можно говорить об их равенстве *sub specie historiae*:

Христос Иуде равен –
 В Нем человек посеян –
 И человека предал человек.²⁴

²¹ Ремизов А. Чертов лог и Полуночное солнце. Рассказы и поэмы. СПб., EOS, 1908, с. 305.

²² В частности, она привлекла внимание М. Волошина. Об этом подробнее: Гречишкин С. С., Лавров А. В. М. Волошин и А. Ремизов // Волошинские чтения. Сборник научных трудов. М. 1981, с. 98-103.

²³ Ремизов А. Чертов лог и полуночное солнце, с. 298.

²⁴ Там же, с. 307.

Причем знаменательно, что не Иуда “равен” Христу, а наоборот – Христос “равен” Иуде! Позволительно сделать вывод вообще о парадоксальном, но вполне в духе Ремизова, двойничестве Христа и Иуды.²⁵ В “Трагедии о Иуде принце Искаротском” Иуда почти прямо отождествляет себя с Христом: “Ноги мои гвоздями прибиты, руки мои гвоздями прибиты, прободено сердце, а я еще жив!”²⁶ Совершая свой страшный подвиг предательства, Иуда также претерпевает страсти – крестные муки. И он также своим предательством приносит жертву за весь мир.²⁷ В связи с идеей своего рода “реабилитации” Иуды (и трактовки его предательства как страшного и великого подвига) примечателен и инскрипт Ремизова, сделанный 14. XI. 1908 г. на титульном листе книги “Пруд” (СПб. 1908), подаренной А. Блоку: “... И прикоснуться к земле русской, в которой таится верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный”.²⁸ Здесь “предательство Иудино” и “подвиг крестный” вполне могут пониматься не как противоположные деяния, а как различные проявления одного: “верности до смерти”.

Собственная жизнь Ремизова, с самого рождения проходящая под знаком отверженности, “каиновой печати”, провоцировала писателя на восприятие своей судьбы через призму событий библейской истории. И поэтому поэма “Иуда” (с ее главными идеями: предательства и отверженности) оказывается не только объяснением тайного смысла этого евангельского события, но и в меньшей мере – объяснением судьбы самого Ремизова. В дневниковой записи от 24. VIII. 1957 г. Ремизов так пояснит

²⁵ Образ Иуды как своего рода “Предтечи” Иисуса Христа мы видим и в “Трагедии о Иуде принце Искаротском”, где символичен монолог Иуды: “Вот остановился он [Христос. - С. Д.] на распутье у трех дорог. Он ждет к себе другого... и такой должен придти к нему, измученный, нигде не находя себе утешения. готовый принять на себя последнюю и самую тяжкую вину, чтобы своим последним грехом переполнить грех и жертвою своею открыть ему путь...” (Ремизов А. Сочинения. СПб., Шиповник, [1912]. Т. 8., с. 168).

²⁶ Ремизов А. Сочинения. Т. 8, с. 151.

²⁷ Ср. также в эссе А. Ремизова “Серебряная песня”: “Достоевский увидел улыбку – жалкую, искривленную со Креста, и ее тень длинную бледную с трепещущей осины – улыбка жертвы за весь мир” (Ремизов А. Огонь вещей. М. 1989, с. 43).

²⁸ Литературное наследство. М., Наука, 1981. Т. 92. Кн. 2, с. 127. В апокрифе А. Ремизова “Звезда надзвездная” Иуда, несмотря на свой страшный грех, также получает прощение и спасение: “И пошла Богородица от креста, понесла в мир звезду – мимо рва проходила, где плакал Петр: и Петр увидел звезду и вышел из рва; по бездорожью идет, где и зверь не проходит, Иуда увидел звезду – и свет озарил ему путь...” (Ремизов А. Звезда надзвездная. Stella Maria Maris. Paris 1928, с. 10).

этот принцип: "И стал я сочинять легенду о себе или, по-вашему, 'сказывать сказку'. Мне это помогало самому себе объяснить свою отверженность. Объяснить – оправдать".²⁹ Иными словами, Ремизов имплицитно отождествляет себя с Иудой, и рассказ о судьбе Иуды становится одновременно и рассказом о самом себе.

Некоторая экстравагантность такого предположения не должна нас смущать, т. к. для Ремизова такие "воплощения" в персонажей библейской (шире – легендарной, апокрифической) истории – вещь достаточно обычная. "Я был птичкой – постучал Божьей Матери в окошко, когда мимо вели Спаса. Но это не прием. Я живо чувствую свое присутствие в высоких событиях человеческой истории или даже легенд".³⁰ В книге "Мартын Задека" Ремизов приводит целый ряд своих "перевоплощений":

Та же острота чувства и яркость видения мне говорят, что я был среди демонов в "воинстве" Сатанаила в тот крестный час смерти Христа, в дни, не отличить от ночей, когда померкло солнце и звезды, это наши глаза звездами прорезали смятение тоскующей твари. Я провожал Петра, когда пропел петух и раскаяние выжгло мои слезы. Я с грозным ангелом стоял перед крестом, я не мог помириться, и за архангелом я требовал разрушить закон жизни – сойти со креста. И я стояла перед *трепетавшей осиною, мое отчаяние глядело в закатившиеся глаза Иуды.*³¹

Последний пример примечателен тем, что здесь Ремизов как бы переживает (говоря его словами: "живо чувствует") трагедию отчаяния – предательства – Иуды. Но с Иудой себя пока еще прямо не отождествляет. Есть ли иные признания Ремизова, прямо (или косвенно) свидетельствующие о попытке отождествить себя с Иудой? В книге Н. Кодрянской находим одно такое признание писателя, достаточно красноречивое:

А слушая Баха "Страсти от Матфея", я остро различил в звенящем рассказе евангелиста пробуждение Петра, когда запел петух, и *с не меньшей остротой я почувствовал отчаяние Иуды. Какой грех, какое преступление вызвало у меня это чувство?* И думаю: не вовремя мое появление на свет. Я как бы втерся непрошенный и в мире нежелательный. Вся моя жизнь прошла не по людски. Под знаком "гони и не пушай".³²

²⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 125. Ср. также: "А моя сущность? Только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека" (Там же, с. 89).

³⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 124.

³¹ Ремизов А. Избранные произведения. М., Панорама, 1995, с. 396 (курсив мой. - С.Д.).

³² Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 89-90 (курсив мой. - С.Д.).

И еще одно признание, скорей косвенное. Размышляя о Боге и о себе, о своем месте в мире, Ремизов говорил:

...Я чувствовал свою приниженность, я раб, невольник в этом мире, где без воли Бога не упадет волос... Я всей жизнью Ему обязанный, осчастливленный жить. [...] Но под ударами беспощадной судьбы, которая в руках все той же воли Бога, я скажу эти древние слова: "лучше было бы не родиться человеку на земле".³³

Откуда эти "древние слова"? Источник их отыскивается легко – ведь Ремизов цитирует слова Христа из евангелия от Матфея: "но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться" (Матфей XXVI, 24).

Слова Христа, сказанные об Иуде, Ремизов прилагает к себе и к своей судьбе. Факт в высшей степени знаменательный. Разве что объяснение своей "проклятости" и своей "незаконности" – несколько иное. Свою вину, свой грех Ремизов видит уже не столько в предательстве (действительном или мнимом), сколько в самом факте "нежелательного", "незаконного" рождения. Впрочем, эти два мотива взаимосвязаны, если вспомнить средневековую апокрифическую легенду об Иуде, которая объясняет его предательство проклятием от рождения (этот сюжет является средневековой трансформацией мифа об Эдипе). Именно апокрифический сюжет Иуды-Эдипа Ремизов положил в основу своей пьесы "Трагедия о Иуде принце Искаротском", которую он при жизни издавал вместе с поэмой "Иуда-предатель". У ремизовского мотива отверженности также есть автобиографический подтекст. В мемуарной книге "Иверень" Ремизов скажет о себе:

Я и на свет появился – хочется сказать "по недоразумению", нет, другое слово: рождение мое не по желанию. В одну из горчайших минут своей отчаянной жизни, моя мать мне рассказала: я пятый – я при рождении моем не причинил ей ни малейшей боли и даже не крикнул – каким, значит, молчком-нахрапом вошел я в мир! – но, когда она все поняла и все представила себе, что ждет ее, что будет дальше, из ее сердца невольно вырвалось *жестокое проклятие*, и темная горькая тень покрыла мою душу.³⁴

Трудно комментировать это загадочное признание Ремизова, но важен сам мотив проклятости и отверженности от самого рождения. Дальнейшую амплификацию в сознании Ремизова этот мотив получает после

³³ Там же, с. 85.

³⁴ Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти, с. 16 (курсив мой - С. Д.).

1896 г., когда он был арестован за участие в студенческих беспорядках, исключен из Московского университета и отправлен в ссылку под гласный надзор полиции. Сам Ремизов вспоминал: "18 ноября 1897 [ошибка памяти Ремизова: надо 1896 г. - С. Д.] – роковой для меня день, – арест и Таганская тюрьма. И потом ссылка в Пензу. Я был, как вычеркнут, а имя мое произносилось, как позорное".³⁵

О том же он писал в книге "Петербургский буерак": "Моя ссылка был встречена всеобщим порицанием. Мое имя на годы было как вычеркнуто. Родственники от меня отказались. Имя мое не произносилось, а если из молодых кто помянет, оборвут".³⁶

Тема отверженности, выброшенности из рода и семьи вновь заставляет вспомнить и миф об Эдипе,³⁷ и его трансформацию в апокрифической легенде об Иуде ("Сказание о Иуде предателе"),³⁸ которые станут тем скрытым кодом, при помощи которого Ремизов пытается понять и объяснить свою судьбу.³⁹ А одной из первых актуализаций этого кода станет поэма "Иуда-предатель" – в равной мере и апокрифическая, и "автобиографическая".

³⁵ На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis* 1987. Т. VI, с. 239.

³⁶ Ремизов А. Встречи. Paris, Lev, 1981, с. 27 (курсив мой. - С. Д.).

³⁷ Сближение своей судьбы с судьбой царя Эдипа мотивируется у Ремизова и темой слепоты: "Своенравная судьба – она своими пальцами [...] вырвала глаза у Эдипа, и вот – смотрите! – она "подстригла" мои купальские глаза [...] И мне открылась – на какой-то крест мне – странная жизнь" (Ремизов А. Иверень. Загогулины моей памяти, с. 172).

³⁸ См. подробнее: Климова М. Н. "Трагедия о Иуде, принце Искаротском" А. М. Ремизова и ее древнерусский источник, с. 89-100.

³⁹ Тот же подтекст отверженности рода и человека присутствует в первоначальном названии автобиографического романа А. Ремизова "Пруд": "Огорельшевское отродье" (см.: *Europa Orientalis* 1985. Т. V, с. 176). В связи с темой изгойничества примечательно также название автобиографической мемуарной книги А. Ремизова "Иверень", которое восходит к диалектному слову "иверень" (со значением: "щепа", "ощепок", "черепок", "осколок", "отломочек").